

А.Б. Куанышева

Медицинский университет Караганды, Казахстан, г. Караганда,
e-mail: sab_85@mail.ru

МЕСТО И РОЛЬ МЕТОНИМИЧЕСКОГО ОБРАЗА В ФОРМИРОВАНИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ФРАЗЕОФОНДА (на материале «Словаря русского языка XI-XVII вв.»)

Статья посвящена проблеме выявления специфики семантической структуры фразеологизмов, функционирующих в эпоху великорусской народности. Целью работы является уточнение путей становления, развития и дальнейшего формирования фразеолофонда эпохи зрелого Средневековья и русского фразеологического фонда в целом. На основе анализа внутренней формы устойчивых сочетаний для исследования отобраны единицы, построенные на метонимическом образе. Классификация данного языкового материала позволила выделить несколько типов метонимических переносов, участвующих в формировании средневекового фразеолофонда. Каждый тип переноса подтвержден языковыми единицами из разных сфер функционирования. Анализ языкового материала проведен с учетом специфики средневековой книжной культуры, а именно сферы функционирования устойчивых оборотов (религиозная, юридическая, военная и др.). Анализ фразеологического состава великорусского языка проведен с помощью следующих методов и приемов: описательный метод с элементами компонентного анализа; прием сплошной выборки фактического материала; прием классификации; статистический прием. Исследование позволило выделить наиболее продуктивные типы метонимического образа, лежащего в основе образования рассматриваемых устойчивых единиц; уточнить пути формирования фразеологического фонда эпохи зрелого Средневековья; дать оценку этого периода как одного из важных этапов, определивших последующее развитие фразеологической системы русского языка в современном его состоянии.

Ключевые слова: историческая фразеология, великорусский период, фразеологическая единица, внутренняя форма фразеологизма, метонимический перенос.

A.B. Kuanysheva

Karaganda Medical University, Kazakhstan, Karaganda,
e-mail: sab_85@mail.ru

The place and role of the methonymic image in the formation of the medieval phraseology fund (on the basis of the "Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries")

The article is dedicated to the problem connected with the study of the specifics of the semantic structure of phraseological units of the Great Russian nationality epoch. The aim of the this work is to clarify the ways of establishing, developing and further formation of phraseology fund of the Middle Ages, and the Russian phraseology fund as a whole is formed. On the basis of the analysis of the idiom's internal form, the units constructed on methonymic transfer are selected for the study by idiom. The classification of the language material has made it possible to identify several types of methonymic transfer, which are actively involved in the formation of the medieval Russian phraseology. For each type of methonymic transfer examples of language units from different spheres of operation are given. The analysis of the language material took into account the specifics of the medieval book culture, in particular the sphere of the use of phraseological units (religious, legal and military spheres). In this article the following methods and techniques of studying and descriptions of the idioms had been used: descriptive method with some elements of component analysis; the technique of complete sampling of the facts; classification; the technique of statistics. As a result, the study highlighted the most productive types of methonymic image underlying the formation of sustainable units. The study made it possible to clarify the ways in which the phraseological fund of the Middle Ages was formed. The study evaluates this period as one of the important stages, which determined the subsequent development of the phraseology system of the Russian language in its present state.

Key words: historic phraseology, great russian period, phraseology unit, idiom's internal form, methonymic transfer.

Ә.Б. Қуанышева

Қарағанды медицина университеті, Қазақстан, Қарағанды қ.,
e-mail: sab_85@mail.ru

**Ортағасырлық фразеология қорының қалыптасуында
метонимикалық бейненің орны мен рөлі
(«XI-XVII ғғ. орыс тілінің сөздігі» материалы негізінде)**

Мақала орыс халқының дәуірінде қолданылған фразеология қорының семантикалық құрылымының ерекшеліктерін анықтау мәселелеріне арналған. Жұмыстың мақсаты – жетілген орта ғасыр дәуіріндегі және жалпы орыс фразеология қорының дамуын, одан әрі қалыптасу жолдарын анықтау. Тұрақты тіркестердің ішкі формасын талдау негізінде метонимикалық кескінде қалыптасқан үлгілер таңдалған. Ортағасырлық фразеология қорының қалыптасуында тілдік материалдың классификациясы метонимикалық тасымалдардың бірнеше түрін бөліп айшықтауға мүмкіндік берді. Тасымалдаудың әр түрі түрлі қызмет салаларындағы тілдік бірліктермен суреттелген. Тілдік материалдың анализі ортағасырлық кітап мәдениетінің ерекшеліктерімен, атап айтқанда тұрақты айналымдардың (діни, құқықтық, әскери және т.б.) салаларын ескере отырып жүргізілген. Орыс тілінің тұрақты тіркес құрамын талдау төмендегі әдістерді қолдана отырып жүргізілді: компоненттік анализ элементтері бар сипаттау әдісі; нақты материалды жаппай таңдау әдісі; классификация (жіктеу) әдісі; статистикалық әдіс. Зерттеу аясында тұрақты бірліктердің қалыптасуына негізделген метонимикалық кескіннің ең маңызды түрлерін анықтауға мүмкіндік туды; орта ғасырлар дәуірінің фразеология қорын қалыптастыру жолдарын нақтылады; орыс тілінің фразеологиялық жүйесінің кейінгі дамуын анықтайтын маңызды белестердің бірі ретінде бұл кезеңге баға берілді.

Түйін сөздер: тарихи фразеология, ұлы орыс дәуірі, фразеологиялық бірлік, фразеологияның ішкі формасы, метонимиялық атауды алмастыру.

Введение

Актуальность избранной темы определяется рядом моментов, главным из которых следует признать малую изученность диахронической фразеологии. Кроме того, в работе исследован фразеологический состав великорусского языка периода XV-XVII вв. в семантическом аспекте, значительно расширяющим теоретико-методологический базис истолкования особенностей развития и формирования фразеологических единиц и фразеологической системы русского языка.

В статье решается ряд актуальных научных проблем, имеющих научную значимость как для казахстанской, так и для российской фразеологии: 1) объектом изучения стала фразеология эпохи великорусской народности – особенно переходного периода для формирования и развития фразеологической системы языка; 2) формирование банка данных о составе ФЕ эпохи Московского государства (XV-XVII вв.); 3) изучение проблематики великорусского фразеолофонда в семантическом плане, теоретический аспект которого оказался недостаточно разработанным в современной русистике.

Цель работы – уточнить пути становления, развития и дальнейшего формирования фразеолофонда эпохи зрелого Средневековья и русского фразеологического фонда в целом.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) на основе сплошной выборки из Словаря русского языка XI-XVII вв. (далее СлРЯ XI-XVII вв.) (1) определить фонд фразеологических единиц (далее ФЕ), широкое функционирование которых связано с эпохой великорусской народности (XV-XVII вв.);

2) выявить и описать образно-мотивационные основы средневековой русской фразеологии, в частности метонимический перенос;

3) определить место и роль метонимического образа в образовании устойчивых сочетаний эпохи зрелого Средневековья, что позволит уточнить, а в некоторых случаях раскрыть пути формирования фразеологических единиц русского языка в диахронии.

Материалом для изучения послужили фразеологические единицы в количестве 2347, отобранные путем сплошной выборки из СлРЯ XI-XVII вв. Издание, доведенное до буквы С включительно, охватывает большую часть русского лексикона XI-XVII вв. в целом и фразеолофонда в частности, что делает этот фактический материал значимым и авторитетным для получения достоверных результатов и выводов.

Объектом исследования выступают фразеологические единицы, относящиеся к эпохе великорусской народности (XV-XVII вв.), число которых составило 1967 единиц.

Предметом исследования является внутренняя форма фразеологических единиц XV-XVII вв.

Исследование выполнено в семантическом аспекте к диахроническому анализу ФЕ, с позиций которого изучение фразеологического фонда эпохи Московского государства (XV-XVII вв.) не проводилось либо рассматривалось фрагментарно; кроме того, описание фразеологического состава русского языка эпохи позднего Средневековья, которому уделялось недостаточное внимание в исторической русистике, впервые стало предметом специального изучения как важного этапа, определившего последующее развитие фразеологической системы русского языка в современном его состоянии.

Эксперимент

Дадим рабочее определение внутренней формы фразеологизма: это мотивационно-образный компонент его семантической структуры. Фразеологический образ – доминирующая часть коннотативного компонента фразеологического значения. Как отмечает известный историк языка В.В. Колесов, для великорусского периода категория образа имела первостепенное значение в связи с «перенесением исследовательского внимания с «вещи» на «слово»: «Если для эпохи раннего Средневековья в центре познающего субъекта находилась вещь, то для эпохи зрелого Средневековья в восприятии и использовании слова характерно образное его представление» (Колесов, 2002: 325).

Одним из тропов, принимающих активное участие в процессе фразеологизации, является метонимия. Метонимический образ, лежащий в основе образования многих устойчивых оборотов, обнаруживается фразеологами при изучении различных языков. При этом большинством исследователей отмечается тот факт, что для современной фразеологической системы ряда языков этот способ образования ФЕ не продуктивен, в отличие, например, от метафорического переноса (Мокиенко, Бабкин, Федоров, Жуков), поскольку метонимия ярче проявляется на лексическом уровне.

Сам метонимический перенос в лингвистике долгое время рассматривался лишь на указанном уровне. Необходимо по-новому взглянуть на метонимию, выйдя за пределы лексической семантики, в исключительном ведении которой она до сих пор находилась. В современной лингвистике уже есть примеры того, что метонимия

понимается шире, чем просто проявление лексической многозначности. Феномены явно метонимической природы обнаруживаются на разных языковых уровнях: от морфологического до дискурсивного.

В связи со сказанным, а также с задачами, поставленными в работе, мы попытались определить место и роль метонимического переноса в образовании устойчивых сочетаний эпохи зрелого Средневековья.

Термин метонимия (синекдоху мы считаем разновидностью метонимии) употребляется нами в общепринятом языковедческом аспекте: это перенос имени (названия) с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный объект, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности. В синекдохе замещение идет по линии количественных связей и отношений, в метонимии – качественных. «При метонимическом переносе, в отличие от метафорического, одно действие реально существует наряду с другим, тесно связано с ним ...» (Костючук, 1983: 85). Анализ семной структуры прототипа ФЕ и мотивированного им фразеологического оборота показывает, что в результате метонимического переноса происходит лишь замена сем, тогда как при метафоризации одни семы нейтрализуются и вместо них развиваются новые.

Исследований, посвященных метонимическому образу в целом (безотносительно к языковой уровневой его реализации) в контексте эпохи Средневековья, в лингвистике представлено достаточное количество. Опираясь на работы историков русского языка и специалистов в области древнерусской литературы (А.И. Соболевский, И.П. Смирнов, В.В. Колесов, Ф.М. Селиванов, Д.С. Лихачев), можно говорить о том, что для эпохи раннего Средневековья характерно преобладание метонимического способа мышления. В частности, к такому выводу исследователи пришли на основе анализа разного рода материала: И.П. Смирнов на базе исследования эпической метонимии (Смирнов), Ф.М. Селиванов – былин [9], Д.С. Лихачев – языкового пространства «Слова о полку Игореве» (Лихачев), А.И. Соболевский – семантических русизмов древнерусского текста (Соболевский), В.В. Колесов – формул-синтагм (Колесов). Причины преимущественного развития метонимии в древнерусский период, по мнению В.В. Колесова, заключаются в том, что, во-первых, «метонимический перенос является первой возможностью разрушения словесной синкреты и готовит почву

для развития новых художественных средств» (Колесов, 1989: 271), во-вторых, для средневекового сознания важнее не содержание, а объем понятия, то есть, сколько однородных «вещей» может быть подведено под одно понятие – вот вопрос, волнующий средневекового книжника, «средневековая мысль напряженно работает над объемом понятия, скрытого в ключевом слове, и мало внимания обращает на признаки различения; ей не нужны ни эпитет, ни метафора» (Колесов, 1989: 145).

Кроме того, по наблюдениям названных исследователей, метонимический способ создания ФЕ представляет собой начальный, исходный этап становления устойчивых сочетаний, поскольку одной из причин возникновения ФЕ является сокращение текстовых формул, в результате которого и развивается метонимия, что предстает весьма характерной особенностью древнерусских литературных текстов. Метонимия возникает при сокращении синтагмы, текстовых формул. Анализируемый нами языковой материал служит убедительным подтверждением данного факта. Например, ФЕ, ярко демонстрирующие процесс становления устойчивых сочетаний путем сокращения текстовых формул, целого предложения или даже текста, можно наблюдать в юридической сфере: *отвести слэдъ* 'отвести от себя улику в виде следа преступника, следов воровства', *просить дороги* 'просить разрешения на въезд в страну', *подписати на вину* 'подписать, утвердить обвинительный приговор', *подписати мировую* 'заключить мирный договор', *жити въ молчании* 'жить, дав обет молчания', *жити на половинэ* 'быть исполщиком, обрабатывать землю на условиях исполу', *служити въ отводъ* 'служить, получая доход отдельно от отца, с личного поместья', *душу свою приказати* (кому-л.) 'поручить кому-л. исполнение своей последней воли и заботу о поминании души', *на души быти (сэдэти)* 'присутствовать при составлении духовной', *подписати подъ кого-л.* 'подчинить кому-л., написав соответствующий документ', *пригонити слэдъ* 'идя по следу, прийти куда-л.' и др.

Анализ языкового материала, на наш взгляд, правомерно проводить, выделяя сферу функционирования ФЕ. Такой подход связан со спецификой средневековой книжной культуры. В частности, при анализе средневекового текста, как указывают исследователи, приобретают особое значение такие его свойства, как степень сохранности текста, принадлежность к тому или иному жанру, характерные черты стиля. Речевые фор-

мулы, будучи основным элементом средневекового текста, выступали образцами речи жанра и произведения в целом (набор речевых формул в средневековых текстах был функционально оправдан). Стабильность жанра и определялась значительным варьированием составлявших его формул (Колесов, 1989: 14).

Принадлежность ФЕ к той или иной сфере, а в некоторых случаях и к дискурсу, мы определяли по жанру, названию того памятника, в котором функционировала данная единица, а также по ее семантике. Так, в число ФЕ, вышедших из религиозной сферы, мы включили фразеологизмы, используемые, по данным иллюстративной части исторического СлРЯ XI-XVII вв., в следующих жанрах: слова, поучения, жития, беседы, притчи, сказания и др.

Результаты и обсуждение

В анализируемом языковом материале обнаружено 349 ФЕ, в основе образования которых лежит метонимический образ.

Анализ извлеченных ФЕ великорусского языка показывает, что основным носителем образного значения является именно глагол, реже – имя. Что будет проиллюстрировано приведенными ниже результатами исследования.

Метонимический способ создания ФЕ представляет собой начальный этап становления устойчивых сочетаний. Анализ языкового материала, а именно средневекового фразеолофонда, показал, что широкое распространение на исследуемом отрезке истории русского языка получили следующие *типы* метонимических переносов:

1. По нашим наблюдениям, наиболее обширное семантическое пространство среди компонентов ФЕ, метонимических в своей основе, занимают глаголы. В частности, в рассматриваемых ФЕ большое количество представляют те, структурным компонентом которых являются глаголы со значением движения. Такие устойчивые сочетания, как правило, указывают на смежность действия, которая обнаруживается в том, что *одно действие оказывается частным проявлением второго, более широкого действия*, то есть общее обозначается через частное (своего рода это синекдоха) (97 ФЕ). Действие в целом изображается в виде одного из его моментов (поэтому эти действия протекают, как правило, параллельно). Такой тип метонимического переноса наблюдается в большинстве устойчивых словосочетаний, относимых к разным сферам

общественных отношений. На данный тип метонимии в средневековых текстах особое внимание обратил и В.В. Колесов, подчеркнувший, что в средневековых текстах «метонимическое сопряжение словесных знаков содержательно строилось по принципу синекдохи: часть показана через целое, а целое определялось по части» [Колесов, 2002: 224]. Сравним в нашем материале:

- в религиозной сфере: *ходити со кресты* 'а) ходить крестным ходом, б) посещать дома прихожан в определенные праздники с крестом и святой водой (о священнослужителях)', *въ черны ризы влэзти* 'сделаться черноризцем, монахом', *въ затворы влазити* 'становиться, делаться затворником', *полагати крестъ на себя* 'осенять себя крестным знаменем, креститься', *прекланяти* к кому-л. *колэна (колэни)* 'умолять кого-л., молиться к кому-л., стоять на коленях', *впустити въ монастырь* 'включить в число монахов (монахинь), постричь', *приятти (наложити на себя) ангельское воображение* 'принять монашество', *одэятися въ иноческий образъ* 'принять монашество' (в последнем метонимия и функциональный перенос) и др.;

- в юридической сфере: *кинути жребий* 'кинуть жребий, решить что-л. с помощью жеребьевки', *быти у грамоты* 'быть свидетелем при заключении какой-л. письменной юридической сделки или составления письменного акта', *впустити въ укрепление* 'позволить стать участником договора', *жити во дворэ* 'прислуживать, быть в работниках в чьем-л. хозяйстве, доме', *подъ судъ приходити* к кому-л. 'быть подсудным кому-л.', *жити своимъ дворомъ (домомъ, избою)* 'иметь свой дом, жить своим хозяйством' и др.;

- в военной сфере: *всэдати на кони* 'отправляться в поход, начинать войну', *вступати въ стрэмя* 'выступать в поход', *выэхати противу* кому-л., кого-л. 'выступить в поход против кого-л.', *препоясоватися оружиемъ* 'вооружаться', *подняти оружие* на кого-л. 'начать вооруженную борьбу', *обратити заждь (задъ)* 'обратиться в бегство', *сэсти въ аманаты* 'добровольно стать заложником', *ополчитися знамены* 'выступить в боевом порядке со знаменами', *заливати горло* 'умерщвлять, заливая в горло расплавленный металл' и др.;

- в бытовой сфере: *до вэтра (идти, изыти)* 'выйти, выходить на воздух (для отправления естественных нужд)', *подавати гробу* 'хоронить, погребать (умершего)', *попити и поэсти* 'прожить, израсходовать на пропитание', *вскор-*

мити и вспоити 'вырастить', *обути нозэ* 'приготовить или приготовиться к пути', *лити воскъ, олово* 'гадать по застывшему в воде воску, олову', *волоски снимати* 'стричь, подстригать волосы', *сидэти (сэдэти) съ огнемъ (съ огни, съ огнями)* 'освещать жилище лучиной, свечой и т. п.', *влэзти къ женэ, рабэ* 'вступить в интимные отношения с женщиной', *бокъ набити* 'побить', *свалитися съ плеч* 'совершенно износиться (об одежде)', *видэти чье-л. здорыве* 'проведать кого-л.' и др.;

- из разных профессиональных областей: *кинути якорь* 'остановить, закрепить судно в море с помощью якоря', *на угодыя възэзжати* 'вступать во владение, пользоваться какими-л. угодыями', *мыти руду* 'промывать водой золотосные породы с целью отделения золота', *шити скобками* 'украшать шитьем в виде закругленных или фигурных скобок', *накладити бритву на бороды* 'брить бороды', *ходити за замки* 'красть из запертого помещения', *выломати пчелы* 'выкрасть содержимое борти или улья', *перерэзати горло* 'убить, зарезать', *выимати ножъ* (на кого-л.) 'грозить кому-л. ножом, покушаться на жизнь', 'осмелиться ударить ножом' и др.

1.1. *Обозначение действия посредством места, где оно происходит* (20 ФЕ): *слазити съ (отъ) одра своего* 'прелюбодействовать', *валятися на кабакэ (на кабакэхъ)* 'пьянствовать, безудержно кутить', *промежъ дворъ бродити (межъ дворъ волочитися)* 'нищенствовать', *въ мирэ (по миру) ходити, бродити, скитатися, кормитися и т.п.* 'нищенствовать', *свести съ сэней* 'лишить сана архиепископа', *возвести (свести) на сэни* 'избрать архиепископом' и др.

1.2. *Действие представлено тем, что его производит (органом, орудием)* (31 ФЕ):

- в юридической сфере: *подписывати чью-л. руку* 'подделывать чью-л. подпись', *подавати руки* 'принять на себя обязательство, подписать соответствующий документ', *руки прикласти* 'подписать', *въ рукахъ не бывало* 'о незнакомстве с каким-л. делом', *дерзнути рукою на* (кого-л.) 'осмелиться поднять руку на кого-л.' и др.

- в религиозной сфере (по данным иллюстративной части Словаря): *своима рукама (отъ своихъ рукъ) питатися (кормити* кого-л.) 'своим трудом приобретать пропитание (кормить кого-л.)', *подавати руку помощи* 'оказывать помощь', *крестоносная рука* 'о руке священнослужителя', *предъ очима имэти* что-л. 'постоянно держать в памяти что-л.', *уста отверста* 'о пророческом даре', *уста* кого-л. *заградились* 'кто-л.

лишился дара речи’, *языкъ прильнуль (прилле) гортани* ‘о невозможности говорить’.

- в военной сфере: *поострити мечь* на что-л. ‘пойти войной против кого-л.’, *предавати мечу и огню* ‘уничтожить с беспощадной жестокостью’, *клонити подь мечь* ‘жестoko уничтожать’.

- в других сферах: *соху наставити* ‘формула крестьянских порядных, обозначающая ‘начать пахать землю’, *ни ногою, ни по ногу* ‘о полном нежелании куда-л. приходиться, наведываться’, *подати кулакь* ‘нанести удар’ и др.

1.3. *Изображение действия, чувства жестом, телодвижением* (22 ФЕ) – следующий тип метонимии, выделяемый в нашем языковом материале: *отератити (отвращати) лице свое оть* кого-л., чего-л. ‘лишить своей милости, внимания, отвернуться от кого-л., чего-л.’, *ломати руки, ломати персты* ‘заламывать руки (в знак горя, волнения)’, *повешатися на выи* ‘бросаться к кому-л., крепко обнимать за шею кого-л.’, *выю преклонити (поклонити)* ‘признать себя побежденным, подчиниться’, *прекланяти чью-л. выю* ‘заставлять кого-л. склонять голову’, *за пол(у) чью-л. ухватитися* ‘искать у кого-л. покровительства, защиты’, *препоясати (крэпко) чресла (своя)* ‘приготовиться к свершению каких-л. дел, укрепиться духом’ (*препоясати* 1. опоясать, обвязать чем-л. по талии, по бедрам, 2. перен. вооружить, укрепить), *превратити за себя, подь себя* ‘покорить’, (*превратити* в СлРЯ XI-XVII вв. имеет значения: 1. повернуть, перевернуть, 2. перевернуть, опрокинуть), *преклонити голову в чью-л. полу* ‘войти в вассальную зависимость’, *волочить ногу за ногу* ‘ходить медленно, с трудом, еле передвигать ноги’ и др.

1.4. *Действие представлено его результатом* (следствием из этого действия) или наоборот (то есть процесс – результат, следствие из действия – само действие) (24 ФЕ): *проливати поты* ‘прилагать большие усилия, усердно трудиться’, *нэгде приклонити главы* ‘не иметь пристанища’, *не помнити* ‘быть нерадивым’, *кинутися вь реку, колодець* ‘утопиться в реке, колодце’, *пролитие крови (крэве, крэвемь)* и *пролитие кровное* ‘убийство множества людей, кровопролитие’, *отрэшити поясь* ‘иногда значит «лишить сана»’, *опустити мечь* (чей-л.) ‘заставить отказаться от войн, борьбы с врагами’, *садити (сажати) вь воду* ‘топить’, *посадити вь воду, рэку* ‘утопить (многих)’ и др.

2. Рассмотрение единиц, основанных на метонимическом образе, позволяет заметить, что многие из них *связаны с конкретными, ритуальными действиями* (32 ФЕ). Следовательно,

устойчивые словосочетания первоначально описывают подобные действия и образуются на их основе. Среди этих единиц обнаружено немало таких, которые демонстрируют связь устойчивых оборотов с определенными ритуалами, обрядами, проводимыми в различных сферах общества, с обрядами, которые и явились источником формирования данных ФЕ. Каждое такое словосочетание исходно описывает соответствующий обряд, выраженный определенным действием и связанный с общественно-политическими отношениями:

- в юридической сфере, например, неотъемлемой частью многих действий являлся крест (а именно, целование креста), что и отразилось в следующих ФЕ: *у креста стояти* ‘давать клятву, присягать, целуя крест’, *водити кь ротэ (вь роту), кь кресту* ‘приводить к клятве, присяге’, *закрэпити крестнымь цэлованиемь* ‘подтвердить присягою, клятвою’, (чьей-л.) *душею цэловати крэсть (дати шерть)* ‘присягнуть от чьего-л. имени’, (чьей-л.) *душею (душами) закрэпити, укрэпити* ‘закрепить присягой от чьего-л. имени’, *сэсти подь крэсть до искупа (о несостоятельном должнике)* ‘обязаться по крестному целованию оставаться у истца после суда для отработки денежного долга’, *вскинути грамоту* ‘расторгнуть договор’, *у креста положити* ‘возвратить истцу (награбленное)’, *избити руки* ‘рукобительством закрепить соглашение о браке’, *ударити по рукам* ‘заклучить договор, сделку’ и др.;

- в экономической сфере: *бити по рукамь* ‘договариваться, заключать торговую сделку’, *задавати руки* ‘ручаться, обещать’ и др.;

- в религиозной сфере: *ножницы даяти* ‘вручать ножницы в знак согласия на пострижение’, *отлагати власы* ‘постригаться (как символ отречения от всего мирского)’, *отрэшити поясь* ‘иногда значит «лишить сана»’ (глагол *отрэшити* имеет одно значение в словаре: «отвязать, снять что-л. привязанное»), *соборовати масломь* (кого-л.) ‘совершать над кем-л. обряд соборования’, *выимати агнець (просвиру, проскуру, хлэбь, хлэбець)* ‘вырезать часть просвиры во время богослужения’, *святыню свершити, святыню творити* ‘совершить (совершать) литургию’, *принести святыню богови* ‘совершить литургию’, *потрэбляти просвиры* ‘вырезать части из просвир для причастия’, *класти требы, покладывати теробы* ‘приносить жертвы’ и др.;

- в военной сфере: *подняти оружие* на кого-л. ‘начать вооруженную борьбу’, *сложити ружье* ‘прекратить военные действия’ и др.;

- в государственной сфере: *побити челомъ* 'попросить', *бити челомъ въ службу* 'просить о принятии на службу, в вассальную зависимость', *бити челомъ* 'а) кланяться, приветствовать, б) жаловаться, в) благодарить', *добити (добивати) челомъ* 'а) признать свою зависимость, изъявить покорность, б) признать свою вину, извиниться, в) добиться чего-л. посредством просьбы', *исправити поклонъ* 'передать приветствие или закончить церемонию передачи приветствия, включающую поклон', *дати (вдати) руку (руки дати, подавати – о многих)* 'а) протянуть руку в удостоверение чего-л.; дать слово, б) заключить мир, обратиться с предложением мира' и др.

3. *Синекдоха* (разновидность метонимического переноса) получила активное распространение в средневековом русском фразеологическом фонде: *по дворамъ попустити* 'пустить по миру, сделать нищим', *собачьею ногою промышлять* 'вести промысел с собакой'

В синекдохе особенно распространен такой ее подтип, как *часть человеческого тела вместо самого человека*. Например: *на носъ* 'на каждого', *плавной голова* 'лицо, стоявшее во главе войска, отправленного водным путем на речных судах', *письменная голова* 'должностное лицо, назначение которого фиксировалось в разрядных книгах', *кожа и кости* 'пренебрежительно, уничижительно о человеке', *битися до горла* 'биться насмерть', *горло (горла) дати, тратити* 'отдавать жизнь', *душу (чью-л.) погубити* 'совершить убийство, лишить жизни невинного', *класти голову (душу, животъ, здоровье)* 'жертвовать для кого-л. или чего-л. своей жизнью, здоровьем', *душу строити (устроить)* 'устраивать дела покойного, преимущественно давать деньги на помин его души', *прэдь лицомъ кого-л., чего-л.* 'перед кем, чем-л., в присутствии кого, чего-л.', *съ очей сослати* 'удалить из своего окружения', *видэти чьи-л. очи* 'иметь встречу с кем-л. и др.

Следует отметить, что помимо проанализированных нами метонимических в своей основе устойчивых оборотов, внутренняя форма многих ФЕ содержит метафорический перенос (468 ФЕ), символическую составляющую (около 120 ФЕ); широко представлены перифрастические наименования (90 ФЕ), а также устойчивые словосочетания, образованные в результате олицетворения (67 ФЕ), сравнения (10 ФЕ).

Анализ метонимических в своей основе средневековых ФЕ также показал, что ВФ великорусских фразеологизмов в большинстве случаев полимотивированна. Многие единицы образова-

ны в результате взаимодействия различных тропов, как правило, метонимии и метафоры одновременно (314 ФЕ): *растворяти языкъ* 'возвращать дар речи', *блюсти главу, пятау* чью-л. или кому-л. 'наблюдать, следить за кем-н., замышляя что-л.' и др.; 2) ФЕ, мотивированные метонимией и олицетворением: *сердце смущается* 'о тошноте' и др.; 3). ФЕ, образная составляющая которых содержит метонимический, метафорический переносы и олицетворение: *стужа кидается въ плечи, руки* 'внезапно сильно остывают, замерзают плечи, руки и т.п.' и др.

Анализ метонимической номинации во фразеологизмах позволил выявить наиболее продуктивные типы переносов значения мотивирующих их прототипов. К ним относятся, на наш взгляд, следующие типы:

1. Описание внешних признаков действия или сопутствующих ему других действий вместо обозначения самого этого действия; данный метонимический образ, основанный на том, что какое-то частное действие составляет часть другого более общего действия, оказывается внутренней формой достаточно большого числа устойчивых словосочетаний всех дискурсов. В данном типе выделяются подтипы: 1.1. обозначение действия посредством места, где оно происходит; 1.2. Действие представлено тем, что его производит (органом, орудием); 1.3. Изображение действия, чувства жестом, телодвижением; 1.4. действие представлено его результатом (или следствием из этого действия).

2. Описание конкретного обряда, ритуала, входящих в определенное действие, вместо самого действия.

3. Синекдоха – часть вместо целого и наоборот: часть человеческого тела вместо самого человека.

Выводы

Итак, на основе проведенного анализа метонимических в своей основе устойчивых сочетаний эпохи Московской Руси можно заключить следующее.

ФЕ, внутренняя форма которых построена на метонимическом переносе, иллюстрируют образные возможности устойчивых сочетаний в диахронии. Фразеологические единицы эпохи Московской Руси, образованные в результате метонимического переосмысления исходного словосочетания, составляют довольно большую часть великорусских фразеологизмов, извлеченных из Словаря русского языка XI-XVII вв.

(349 ФЕ), что выступает, в свою очередь, отличительной чертой именно диахронической фразеологии, поскольку фразеологическая система современного русского языка, как показывают исследования фразеологов, отличается, наоборот, меньшей представленностью метонимических по происхождению ФЕ. Данный факт служит характеристикой особенностей мышления средневекового человека.

Хотя название статьи предполагает исследование лишь ФЕ метонимического происхождения, однако проведенный анализ образно составляющей фразеологизмов показал, что ВФ средневековых языковых единиц вторичной номинации не всегда основана только на одном каком-либо переносе, например, в данном случае – метонимическом. Как показывает материал, образное основание средневековых ФЕ чаще построено на переплетении в нем различных тропов, поскольку, как считает В.Н. Телия, «полимотивированность образной гештальт-структуры – скорее норма, чем исключение» (Телия, 1996: 198). Для исторической фразеологии эта черта особенно показательна. Именно поэтому в данной статье пришлось затронуть и ФЕ, внутренняя форма которых помимо метонимического переноса содержит и другие типы переносов, вместе создающих ту отличительную фоновую информацию, которая, как правило, характеризует состояние и формирование старорусского

языка на данном, преднациональном этапе его становления.

Уже сам факт существенной количественной представленности и широкого распространения средневековых метонимических ФЕ, по данным нашего языкового материала, а также по наблюдениям В.В. Колесова, отметившего, что несмотря на развитие метафорического типа мышления, все же «конкретные описания древнерусских художественных текстов подтверждают, что вплоть до конца XVII века господствующим тропом оставалась метонимия, с помощью которой раскрывался традиционный символ» (Колесов, 1989: 238-239), указывает на специфичность русского средневекового мышления, которое не могло не отобразить в такой разнообразии метонимических ФЕ отношение человека к окружающей действительности.

С диахронической точки зрения фразеонд позднего средневековья представляет собой переходный этап формирования номинативных средств русского языка, когда древнерусские формулы, в пределах которых синкретичная семантика слова получала свою определенность при экспликации в тексте, еще до конца не разрушены, а фразеологизм как структурно более сложная, чем слово, но семантически единая языковая единица еще не сформировался. Превращение его в устойчивое воспроизводимое номинативное средство-фразеологизм – результат длительного исторического развития.

Литература

- Словарь русского языка XI-XVII вв. (Вып. 1-26). – М.: Наука. – 1975. – 2002.
- Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
- Мокиенко В.М. Образы русской речи: историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
- Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 260 с.
- Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII – начале XIX веков. – Новосибирск: Наука, 1973. – 173 с.
- Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
- Костючук Л.Я. Возможности семантических сдвигов при сочетаемости слов (к вопросу о становлении устойчивых сочетаний на метонимической основе) / Л.Я. Костючук // Русская историческая лексикология и лексикография. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – Вып.: 3. – С. 81-89
- Смирнов И.П. Эпическая метонимия / И.П. Смирнов // Труды отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука, 1979. – Т.: XXXIII. – С. 175-203
- Селиванов Ф.М. Поэтика былин. Ч.1: Система изобразительно-выразительных средств. – М.: МУ, 1977. – 128 с.
- Лихачев Д.С. Избранное: «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – СПб.: Logos, 1998. – 528 с.
- Соболевский А.И. История русского литературного языка. – Л.: Наука, 1980. – 194 с.
- Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – 296 с.
- Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 286 с.
- Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). – М.: Аспект Пресс. – 2002. – 558 с.
- Чернышева Из истории изменения концепции Словаря русского языка XI-XVII вв. М.И. Чернышева // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. – 2013. – № 2. – Том 9. – С. 192 – 206.

Пименова М.В. Устойчивые лексико-семантические единицы и их фиксация в исторических словарях // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. – 2013. – № 2. – Том 9. – С. 439 – 449.

Любимова Л.М. Социальные модели устойчивых формул деловых памятников как объект исторической фразеологии // *Вестник Читинского государственного университета*. – 2009. – № 4 (55). – С. 134 – 140.

References

Babkin A.M. (1970). *Russkaia frazeologija, ee razvitie i istochniki* [Russian phraseology: its development and sources]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Chernysheva M.I. (2013). *Iz istorii izmeneniia kontseptsii Slovaria russkogo iazyka XI-XVII vv.* *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniĭ RAN*. [From the history of changing the concept of the “Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries”. Writings of the Institute of Linguistic Studies RAS]. Vol. 9, 2, 192 – 206. (in Russian)

Fedorov A.I. (1973). *Razvitie russkoi frazeologii v kontse XVIII – nachale XIX vekov* [Development of Russian phraseology at the end of the 18th early 19th century]. Novosibirsk: Nauka. (in Russian)

Kolesov V.V. (1989). *Drevnerusskii literaturnyi iazyk* [Ancient Russian literary language]. Leningrad: Leningradskij universitet. (in Russian)

Kolesov V.V. (2002). *Filosofija russkogo slova* [Philosophy of Russian word]. Sankt-Peterburg: IuNA. (in Russian)

Kostiuchuk L.Ia. (1983). *Vozmozhnosti semanticheskikh sdvigov pri sochetanosti slov (k voprosu o stanovlenii ustoičivyx sochetanii na metonimicheskoi osnove)*. *Russkaia istoričeskaja leksikologija i leksikografija*. [Semantic changes in terms of compatibility (On the ways of the formation of sustainable combinations based on methonymy)]. *Russian Historical Lexicology and Lexicography* 3, 81-89. (in Russian)

Likhachev D.S. (1998). *Izbrannoe: «Slovo o polku Igoreve» i kultura ego vremeni*. [Selection. “The Word about Igor Regiment” and the culture of his time]. Sankt-Peterburg: Logos. (in Russian)

Liubimova L.M. (2009). *Sotsialnye modeli ustoičivyx formul delovykh pamiatnikov kak obiekt istoričeskoi frazeologii* [Social models of sustainable formulas of official monuments as a subject of historical phraseology]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Vestnik of the Chitinsk State University*, 4 (55), 134 – 140. (in Russian)

Mokienko V.M. (1986). *Obrazy russkoi rechi: istoriko-etimologičeskije i etnolingvističeskije očerki frazeologii* [Images of Russian speech: historical-etymological and ethno-linguistic essays of phraseology]. Leningrad: Leningradskij universitet. (in Russian)

Pimenova M.V. (2013). *Ustoičivye leksiko-semantičeskije edinitsy i ikh fiksatsija v istoričeskikh slovariakh*. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniĭ RAN*. [Stable lexical-semantic units and their fixation in historical dictionaries. Writings of the Institute of Linguistic Studies RAS]. Vol. 9, 2, 439 – 449. (in Russian)

Selivanov F.M. (1977). *Poetika bylin. Ch.1: Sistema izobrazitelno-vyrazitelnykh sredstv* [Poetics of bylina. Part 1: System of the imagery-expressive means of language]. Moscow: Moskovskij universitet. (in Russian)

Slovar russkogo iazyka XI-XVII vv. (Vyp. 1-26). (1975-2002). [“Dictionary of the Russian language of the 11th-17th centuries”]. Moscow: Nauka. (in Russian)

Smirnov I.P. (1979). *Epicheskaja metonimija*. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. [Epic methonymy. Works of the Department of Ancient Russian Literature]. Vol. 33, 175-203. (in Russian)

Sobolevskii A.I. (1980). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka* [The history of Russian literary language]. Leningrad: Nauka. (in Russian)

Teliia V.N. (1996). *Russkaia frazeologija: semanticheskij, pragmatičeskij i lingvokulturologičeskij aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguistical aspects]. Moscow: Shkola «Jazyki russkoi kultury. (in Russian)

Uspenskii B.A. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI-XVII vv.)* [The history of Russian literary language 11th-17th centuries]. Moscow: Aspekt Press. (in Russian)

Zhukov V.P. (1986). *Russkaia frazeologija* [Russian phraseology]. Moscow: Vysshaja shkola. (in Russian)